

Евтушенко С.В.

доктор философских наук,
кандидат искусствоведения, профессор
Харьковский национальный университет
искусств им. И.П. Котляревского

ЧАСТНЫЙ “ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЙ” АСПЕКТ РУССКО-УКРАИНСКИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ СВЯЗЕЙ (ДВОР У ВОСКРЕСЕНИЯ НОВОГО)

Продолжение (начало см. в предыдущем номере)

Аннотация. Попытка широкой реконструкции фамильно-бытовых связей представителей некогда влиятельного семейства Апостолов как перспективная источниковедческая составляющая комплексного атрибуционного исследования малоизученных художественных раритетов, появление которых было инициировано Апостолами.

Ключевые слова: атрибуция, генеалогия, источниковедение.

Анотація. Євтушенко С. В. Приватний “генеалогічний” аспект російсько-українських художніх зв'язків. Спроба широкої реконструкції родинно-побутових зв'язків представників колишнього впливового сімейства Апостолів як перспективна джерелознавча складова комплексного атрибуційного дослідження маловивчених художніх раритетів, появу яких було ініційовано Апостолами.

Ключові слова: атрибуція, генеалогія, джерелознавство.

Annotation. Yevtushenko S. V. Concrete “genealogic” aspect of the Russo-Ukrainian art relations. This is an attempt of wide reconstruction of familiar-daily relations of the representatives of Apostol's family which was so influential at one time. This reconstruction is understood as a perspective component of scientific-historical sources-study in the complex attribution of not enough investigated art rarities, occurrence of which was initiated by the Apostols.

Keywords: attribution, genealogy, sources-study.

В качестве преамбулы к продолжению возвратим истории забытое потомками имя супруги Константина Степановича Кантакузина. Итак, ею была племянница знаменитого петровского генерал-фельдмаршала Анна Федоровна Шереметева [9, ч. 3, с. 500 (№ 25, 26), 501 (№ 37–39)]. Шереметева – ибо так говорит родословная Кантакузинов [24, т. 1, с. 356 (№ 66)]. Анна Федоровна – потому что среди проживавших в 1755-м в приходе московского храма Николая Чудотворца в Хлынове (чтимого поклонниками архитектурной старины) сохранившиеся за указанный год исповедные ведомости Никитского сорока первопрестольной упоминают “светлейшую кнг. (княгиню. – С.Е.) Анну Федоровну Кантакузину”, не величаемую вдовой (а уже отмечалось, что с 1746 г. Константин Степанович Кантакузин томился в тюремном заключении, оказавшемся, к его несчастью, практически пожизненным и растянувшимся на долгие 35 лет), но и живущую – в 1755-м – де-факто без супруга с двумя сыновьями-подростками, из которых старший (16-ти лет от роду) носил имя Авраам, встречающееся у Кантакузинов, если исходить из их *родословной росписи*, составленной В.В. Руммелем и В.В. Голубцовым, лишь единожды – и именно как имя сына “нашего” Константина Степановича; по совокупности всё перечисленное довольно прочно связывает Анну Федоровну и с наследником казенного господаря Константином Кантакузином, и с Шереметевыми¹ [30, л. 153–153 об.; 24, т. 1, с. 350–362, с. 357 (№ 75)]. Вполне вероятно, что в датированных 1755 годом и упоминавшихся уже “Исповедных ведомостях Никитского сорока”, ныне хранящихся в ЦИАМ², ошибочно значится, что на момент их составления, матери 16-летнего Авраама и 15-летнего Стефана Кантакузиных (они же Кантакузины) “светлейшей княгине” было 65 лет [30, л. 153]. Дело в том, что такие лета (и соответствующее им рождение в 1689/90 гг.) не выглядят вполне реалистично уже из-за отсутствия их несоответствия возрасту детей Анны Федоровны. К тому же, и сам Константин Степанович – как младший из двух отпрысков валашского господаря Стефана, казенного задолго до бракосочетания сына с Шереметевой, – вряд ли мог родиться ранее 1696-го, ибо отец его, господарь, родился в 1675 г. [39]. Причем, поскольку в момент своего появления в Петербурге (воспоследовавшего за бегством после ареста и казни супруга) – а именно в первой половине 1720 года – Пагона (она же Паулина или Павона) Кантакузен, вдова казенного и мать Константина Степановича, фигурировала в различных о ней реляциях в качестве вдовы *с детьми* (заметим, что, оказавшись в России после пребывания в Неаполе, Риме, Вене и Венеции, она “остановилась в доме Д.К. Кантемира”), – можно предположить, что в 1720-м оба ее сына еще не были совершеннолетними, то есть вряд ли родились прежде середины 1700-х [28]. Рискнем, впрочем, допустить, что возрастная разница между супругами

Надійшла до редакції 18.11.2012

¹ Интересно, что так и не обзаведшийся собственным семейством Авраам Кантакузен скончался в сорок с небольшим в том же роковом 1781-м, который трагически завершил и жизнь его родителя [24, т. 1, с. 357 (№ 75)].

² Центральный исторический архив Москвы.

– племянницей фельдмаршала и сыном господаря – в силу обстоятельств – могла все же составлять и до 7–15 лет³. Правда, родиться позднее 1715-го, в любом случае, Анне Федоровне не было суждено, ибо в этот год умерла ее мать Анастасия Петровна, урожд. Соковнина, кн. Лобанова-Ростовская по 1-му браку. Упомянутая “Московским некрополем” Анастасия Петровна, “жена боярина Федора Петровича Шереметева”, идентифицируется как рожденная Соковнина и Лобанова-Ростовская по первому замужеству с достаточной надежностью: если учесть, что в удовлетворяющий всем условиям исторический период существовал только один Федор Петрович Шереметев (в тех пяти “коленах” П. Долгоруковым опубликованной родословной Шереметевых, которые могут иметь хотя бы гипотетическое отношение к жене Константина Кантакузена, представлены всего три Федора и при этом выглядит очевидным вердикт, что отцом Анны – если она действительно урожденная Шереметева, – мог быть именно младший брат Бориса Петровича Шереметева Федор, второй супругой которого, заметим, была дочь гетмана Самойловича Прасковья; после ее скоропостижной кончины в 1685-м и женился Федор Петрович на овдовевшей Лобановой-Ростовской, в девичестве Соковниной) [ср.: 5, т. 3, с. 343; 9, ч. 3, с. 500 (№ 26), 499–504]. Так что в 1755 г. Анне Федоровне Кантакузиной было не менее сорока⁴. Кстати, как бы ни конкретизировалась с окончательной ясностью персона первого мужа ее матери князя Лобанова-Ростовского, – он безусловно принадлежал к XXVI-му “колену” составленной В.В. Руммелем и В.В. Голубцовым фамильной росписи Лобановых-Ростовских, из чего просистекает, что столь же бесспорно именно его сестры стали женами, соответственно, С.В. Долгорукова, Матвея Дмитриевича Кантемира (за которого вышла *Аграфена Яковлевна младшая* Лобанова-Ростовская) и С.Б. Шереметева. При этом одна из сестер, Александра Лобанова-Ростовская, по мужу графу Сергею Шереметеву доводилась двоюродной теткой князю Петру Сергеевичу Долгорукову, в начале 1739-го женившемуся на 18-летней внучке гетмана Даниила Апостола и Дементия Храповицкого – дочери Петра Даниловича Апостола Софье... [24, т. 1, с. 556–557; 9, ч. 1, с. 92 (№ 108), 93 (№ 113), 90 (№ 88, 89), 96 (№ 146); 8, с. 56; 13, с. 9]

Еще одно косвенное доказательство того, что светлейшая княгиня Кантакузина из прихода Николы в Хлынове – урожденная Шереметева и супруга Константина Степановича, выглядит так: в необширном “хлыновском” приходе располагалось и домовладение одного из Соковниных, столь прогневавших Петра I в

1697 году, когда был казнен брат знаменитой боярыни Морозовой (тоже, к слову, урожденной Соковниной) Алексей Прокофьевич [30, л. 158; 23, с. 403]. Сказанное о муже фельдмаршальной племянницы можем дополнить следующим: судя по всему, именно он, решив осесть в старорусской столице, приобрел здесь старинные “палаты XVI–XVII вв.”, принадлежавшие ранее Бутурлиным и занимавшие место, впоследствии отданное под сооружение небезызвестного “Дома Долгоруких” (Колпачный пер., 6); впрочем, за четыре года до своего рокового ареста светлейший князь продал это свое домовладение А.А. Долгорукову [15, с. 289]. После службы в Нарвском полку (по которому, как уже знаем, числился он, по крайней мере, в мае 1732-го), Константин Степанович в 1736–1737 гг. значился полковником Архангелогородского драгунского полка, а в 1738-м получил новый чин – бригадирский [38]. Как пишут, именно в сентябре 1738-го князь был “разжалован в рядовые драгуны”, но “после мира с Турцией в 1740” – прощен и даже “восстановлен в прежнем звании” [38]. Источники намекают, что за пределами Российской империи в 1746-м (выйдя в официальную отставку) он оказался вовсе не для кратковременного вояжа, иными словами, вполне обдуманно “переехал из России в Венгрию” [38]. В этот переломный и судьбоносный момент биографии ему, напомним, было не более сорока... Добавим, что к 1726-му – когда началось тесное общение Петра Апостола с ним и его старшим братом Раду, оба отпрыска казненного господаря, по-видимому, уже не считались недорослями: во всяком случае, Петр Данилович в своем дневнике уверенно именуется их “валашскими князьями”, а в январе и в апреле 1727-го даже берет с собой на обед “у валашских князей” супругу; всего же в опубликованной части востоловского дневника содержится пять записей о встречах с братьями Кантакузенами, относящихся к промежутку от февраля 1726-го по апрель 1727 г. [2, с. 135, 150, 153–154]. Даже реже в этот период общается Петр Данилович с гораздо более многочисленными “молдавскими князьями”, – как именуется в собственных дневниковых записях осевших в России потомков двух братьев-господарей молдавских – Антиоха и Дмитрия Константиновичей, со вторым из которых (умершим, по разным данным, в 1722-м или годом позднее) он, возможно, вообще не встречался (заметим, что 25-летняя в 1725 г. вдова Дмитрия Константиновича Кантемира упоминавшаяся уже Анастасия Ивановна была, в качестве урожденной Трубецкой, близкой родственницей Н.Ю. Трубецкого, женившегося на вдове родного брата первой супруги Павла Даниловича Апостола Анны Андреевны Херасковой, вследствие чего племянники Анны Андреевны, то есть сыновья умершего Матвея Хераскова, жили и воспитывались в семье князей Трубецких) [11, т. 1, с. 233–234; 5, т. 2, с. 13; 9, ч. 1, с. 321–322]. На протяжении ноября 1725-го – января 1727 г. будущий полковник лубенский Петр Апостол (судя по его дневнику) общался с дюжиной наследников братьев-господарей не без искреннего энтузиазма и, возможно, даже с чрезмерной юношеской раскованностью, ибо однажды получил от отца – будущего мало-

³ Разумеется, позднее 1738-го брак Шереметевой и Кантакузена состояться не мог, а самая поздняя, хотя и заведомо малоправдоподобная, дата рождения Константина Степановича (учитывая, когда был казнен господарь Стефан, он же Стена) – год 1715-й.

⁴ Теща Константина Степановича (которой, не довелось при жизни видеть будущего зятя) была погребена в церкви “св. Николая, что в Гнездицах”, в приходе которой – в реалиях Москвы 1755 г. – проживали две ее внучки – племянницы жены Константина Кантакузена и дочери “ген.-лейт. и кав[алера] Алексея Федоровича Шереметева” – Прасковья 23-х лет и Александра 22-х [5, т. 3, с. 343; 30, л. 136–137].

российского гетмана – “страшный нагоняй по поводу пира у молодых молдавских князей, куда... собрался итти”; это было, кстати, первое упоминание в дневнике Петра Даниловича о Кантемирах, но соотношенный с ним “страшный нагоняй” свидетельствует, что далеко не все встречи с молодыми господаричами сын Даниила Апостола фиксировал письменно; тем паче что интервалы между некоторыми даже дневником засвидетельствованными его визитами к “молдавским князьям” составляли подчас не более суток; вероятно, на трех из двенадцати подобных раутов Петру доводилось общаться и напрямую с бывшим господарем Антиохом [2, с. 125, 127–130, 151–152]. Пора заметить, что семейства братьев-господарей – не считая в 1726 г. скончавшегося Антиоха Константиновича – состояли к 1725-му из двух сыновей последнего, старший из которых был женат на русской Головиной, доводившейся, по некоторым данным (впрочем, провоцирующим и вопросы, и сомнения), как будто бы, родной теткой второму супругу Анны Даниловны Друцкой (уже известной нам вдовы брата Анны Апостол-Херасковой), а также из пяти сыновей Дмитрия Константиновича (женою одного была Анастасия Голицына) и их сестры княжны Марии, приобретшей особую известность у современников из-за внимания, проявленного к ней со стороны императора Петра I [см.: 11, т. 1, с. 2334, 9, ч. 1, с. 321–322 (№ 37), 322 (№ 37, 38); ч. 3, с. 108 (№ 65, 64); ч. 4, с. 186 (№ 127)]. В 1725–1727 гг. все отпрыски господаря Дмитрия молоды: старшим – чуть более двадцати, а Сергеем и впоследствии популярному литератору Антиоху нет и двадцати. Это был достойный круг общения для столь же отменно образованного и несомненно еще молодого Петра Апостола.

Но вернемся к Засецким. Как уже говорилось, между 1675–1676 гг. двор отца “*князь Петра*” – “*Ивана Михайлова с[ына] Засецкаго*” – располагался в Москве где-то недалеко от так называемой церкви “Старого Воскресенья”, во всяком случае, судя по официальной описи, он соотносился с ее приходом (и примерно там же собственным двором между 1675–1676 гг. владел троюродный дядя Ивана Михайловича, родоначальник “вологодских” Засецких и отец пяти сыновей *Богдан Григорьевич*) [16, стб. 202, 207, 212; 22; 16, стб. 213]. Итак, между 1675–1676 гг. один из дворов, ближних к историческому центру Москвы и подведомственных приходу церкви “Воскресения Христова что слывет Старое”, принадлежал Ивану Михайловичу Засецкому [16, стб. 202, 207, 210]. А в 1754-м домовладение его внука Якова Петровича (бывшего в 1754-м “казначеем московских монетных дворов”) относилось уже к ведению прихода церкви “Воскресения Христова, Новой” [29, л. 71, 76]. При упомянутой Воскресенской церкви, что “Новою” слыла, московской переписью непосредственно в 1738–1742 гг. зафиксирован двор священника сего храма в качестве приобретенного в 1724-м “той церкви приходскими людьми” во главе со старшим братом Петра Ивановича Засецкого “стольником Матвеем Ивановым сыном Засецким”, которому, между прочим, принадлежал в свое время ныне хранящийся в музее Новодевичьего монастыря и относящийся к достаточно известным раритетам

русского искусства рубежа XVII–XVIII вв. средник трехстворчатого складня “Богоматерь Федоровская” (23x13 см), выполненный в 1708 г. талантливым иконописцем Кириллом Ивановичем Улановым (1684–1731) [51; 18, стб. 43–44]. Не упоминаемый ни в одной из известных нам фамильных росписей Засецких (в том числе и “*ковыринских*”), однако практически бесспорно приходившийся четвероюродным братом Матвеем и Петру Ивановичам и сыном стольнику Василию Васильевичу Засецкому также стольник Григорий Васильевич Засецкий (чей дядя Иван Васильевич между 1695–1696 гг. выдал свою падчерицу за кузена покойной царицы Агафьи Симеоновны Василия Заборовского) продал принадлежавший ему участок на пути “с Остоженской улицы на Пречистенскую улицу большую по правой стороне, в Лукине переулке” камер-пажу А.Т. Лукину (этот, в современных реалиях протянувшийся не более чем на 220 метров, то есть практически камерный, переулок, именуемый сегодня Барыковским, свое бывшее название обрел именно из-за Лукиных) [6; 32; 46; 22; 10, т. 2, с. 240, 238; 18, стб. 52–53; 34]. Иными словами, в Лукине переулке, соединявшем улицу Остоженку с улицей Пречистенской, то есть на своего рода “нейтральной полосе” меж Остоженкой и Пречистенкой, задолго до 1742 года существовало старинное родовое гнездо Засецких, но необходимо подчеркнуть: при этом не отыскивается решительно никаких оснований для отождествления с *Лукиным* упоминаемого в дневнике Я.А. Марковича “*переулка Чудовного*”, где у Апостоловой свояченицы Засецкой, по словам автора дневника, Яков Маркович и Петр Апостол обедали в январе 1742 года. Во всяком случае даже электронные источники, поставляющие обильную информацию о старомосковской городской топонимике, вообще не упоминают переулка с экзотическим названием, которое без колебаний увековечил в своих дневниковых свидетельствах просвещенный “летописец” из “Украины”. Между тем, Новодевичий монастырь (“близ” которого, напомним, обретался, по словам опять-таки Якова Марковича, “двор кн[язя] Засецкаго”, свойственника П.Д. Апостола) располагался на территории той исторической части Москвы, что именовалась Хамовниками. К слову, и собственно улица Пречистенка – считать ли ею вместе взятые и друг друга “продолжающие” Кропоткинскую улицу и Волхонку или же одну лишь Волхонку (учитывая, что именно ее определяют как “древнейшую” московскую Пречистенку) – “возникла в 16 в. по дороге в Новодевичий монастырь” и название свое получила буквально “по иконе Смоленской богоматери Пречистой”, обретавшейся как раз в данной обители⁵ [8, с. 154; 7, с. 345]. При этом “до 1626 года” интересующая нас “местность Хамовников”, заметим, “именовалась по кремлевскому [Чудовому] монастырю” *Чудовкой*, ибо некогда Хамовники состояли в его владении, отчего и вероятная причастность к Хамовникам не ведомого

⁵ Непосредственно Волхонка называлась Пречистенкой “до конца XVIII в.” – “либо по церкви Ржевской Богоматери (так называемой Пречистой ржевской; на месте д. 8 по Гоголевскому бул.), либо по собору Смоленской богоматери Ново-Девичьего монастыря, куда вела дорога, продолжавшая эту улицу” [4, с. 36].

московедческой традиции Марковичева “*Чудовного переулка*” с “историко-топонимической” точки зрения могла бы выглядеть в целом вполне правдоподобной [41]. Итак, участок, перешедший от Григория Засецкого к камер-пажу Лукину, судя по всему, между 1670–1671 гг. принадлежал тому самому стольнику Ивану Засецкому, который благодаря своей падчерице породнился с Грушецкими-Заборовскими [ср.: 18, стб. 52–53; 16, стб. 171, 173]. Единственный сын его Михаил Иванович, не оставив прямых наследников, умер, надо полагать, незадолго до того, как собственный его кузен Григорий Васильевич продал двор между Пречистенкой и Остоженкой Лукину (у братьев же Ивана и Василия Васильевичей, которым Григорий доводился соответственно племянником и сыном, имелись личные также друг с другом соседствовавшие дворы “у Трех святителей” (в той части Москвы, что располагается северо-восточнее Пречистенки и Остоженки) [6; 32; 46; 22; 16, стб. 135, 129, 134]. Заметим еще, что участок, перешедший к камер-пажу Лукину от Григория Засецкого, обрелся в тесном соседстве с двором “*Генеральши княгини вдовы Дарьи Лаврентьевой дочери Волхонской*”, то есть княгини Волконской (не исключаем, что Гагариной по рождению), у которой, по-видимому, имелись – о чем ниже будет сказано – некие нераскрытые родственные связи с Засецкими [ср.: 18, стб. 53]. Достаточно обоснованным выглядит допущение, что на территории переулка, прозванного Лукиным, задолго до 1670-х помещались дворы троюродных братьев Засецких Ивана Васильевича и Ивана Михайловича: во всяком случае, у этих двоих был общий прадед, сын которого и дед Ивана Михайловича Федот, носивший прозвище Докучай, числился проживающим в первопрестольной еще в 1589 г. [22; 37]. Здесь же отметим, что строений в Лукине переулке образца 1738–1742 гг. было, судя по всему, немного: так, по правой его стороне упоминаются лишь три “обжитых” двора и один пустой (принадлежавший упоминавшейся вдове-княгине Дарье Лаврентьевне), а по левой – пять дворов, состоявших в собственности Тверитиновых, Сипягиных, Кутузовых, Чебышевых и Владимировых [18, стб. 52–56]. (С высокой вероятностью Засецкие могли быть породнены с любой из этих фамилий.)

Документы московской переписи 1738–1742 гг., по времени вплотную приближенные к январскому, 1742 года, обеду Петра Апостола и Якова Марковича у “княгини Засецкой”, фиксируют на Остоженке, точнее “на большой Остоженской улице, из Пречистенских ворот идучи к Земляному Городу, по правую сторону”, наличие “двора бригадира Государственной Камер-Коллегии вице-президента Петра Иванова сына Засецкаго” (но неизвестно, кстати, какие реалии скрываются за словосочетанием “*большая Остоженская улица*” – не намек ли на возможное прежде существование ныне полному забвению преданной “Малой Остоженки”?) [18, стб. 56]. Поскольку данный двор практически открывает список всех домовладений, которые можно было последовательно миновать, – двигаясь “из Пречистенских ворот” по правой стороне “*большой Остоженской улицы*”, – складывается впе-

чатление, что и к Пречистенке он располагался едва ли не ближе всех иных, если уж именно от Пречистенских ворот расходятся Пречистенка и Остоженка... Но здесь уместно напомнить, что между теперешней Пречистенкой и одноименными воротами пролегла от центра де-факто “древнейшая” известная сегодня под именем Волхонки Пречистенка; а, значит, резонно предположить, что “*большой Остоженской*” могла быть улица или подобие таковой, соединявшее ныне бытующую Остоженку с местоположением теперешней площади *Пречистенские ворота*. Если бы топографические реалии Москвы конца 1730-х – начала 1740-х соответствовали предполагаемому, – одной из своих условно четырех сторон двор вице-президента камер-коллегии действительно мог бы непосредственно выходить на Пречистенку или же доходить до Пречистенки. Впрочем, описание месторасположения двора Петра Засецкого в опубликованных переписных документах следует еще и после описания пяти дворов, помещавшихся в “сквозном” – ведшем с Остоженки на Пречистенку – Барыковском ныне, а прежде Лукине переулке, который на карте современной Москвы выглядит отнюдь не ближайшим к историческому центру в системе тех классически известных переулков, что связывают существующие теперь Пречистенку и Остоженку... Крайне любопытно и примечательно, что из пяти только что упомянутых дворов Лукина переулка первые два (Чебышева и Тверитинова, официальными документами переписи именуемого также *Зверитиновым*) выходили непосредственно и на Пречистенскую улицу, что позволяет составить представление о том, насколько Остоженка и Пречистенка сближались непосредственно на переходе к участку, владельцем которого числился бригадир Засецкий [см. и ср.: 18, стб. 55–56, 61–62]. Материалы переписи побуждают неambivalentно заключить, что в Москве 1738–1742 гг. двор Петра Засецкого – при движении от центра по Остоженке – предстал сразу за Барыковским переулком, соответственно, на той ее стороне, что была смежной Пречистенке [18, стб. 56]. Также из переписных документов 1738–1742 гг. узнаем: упомянутый двор Петр Иванович получил в единоличное владение между 1693–1694 гг. согласно “раздельной записи с братьями своими родными Матвеем да Иваном Ивановыми детьми Засецкими”, то есть вследствие раздела двора оставшегося “после отца... [их] Ивана Михайлова сына Засецкаго и матери... Марьи Федоровой дочери” [18, стб. 56]. Двор, доставшийся Петру и имевший “по воротам по Остоженской улице до переулка 15 саж[еней] без полутрети, в другом конце до переулка ж 13 саж. без полутрети”, занимал на правой стороне Остоженки, судя по описанию, весь тот ее отрезок, который фланкировался двумя соседними переулками – Барыковским (прежде Лукиным) и ныне Сеченовским [18, стб. 56–57]. Узнаем также, что “по правую сторону подле двора” Петра Ивановича пролегла “проезжая улица... с большой Остоженской улицы на Пречистенскую большую”, а “по левую” – “двор прокурора Акинфия Евстратьева сына Алымова”, на дочери которого, повзрослев, же-

нился сын Петра Засецкого Яков⁶; наконец, “позади... двора” Засецких располагался “двор кельмейстера Федора Петрова сына Владимирова”, здесь уже упоминавшийся [18, стб. 57; 11, т. 1, с. 8]. Нет нужды в доказательствах самоочевидного – что двор Петра Засецкого “заходил” в переулок (Барыковский, он же Лукин); и что, соответственно, по этой части (насчет размещения в переулке) свидетельства Я.А. Марковича находят свое подтверждение. Будущий тесть Якова Засецкого прокурор Акинфий Алымов двором, соседним с Засецкими, владел с 1704-го, прикупив к своему участку в 1730 г. еще и землю, проданную ему неоднократно упоминавшимся братом Петра Ивановича Матвеем [18, стб. 57]. Последний, между прочим, широко известен у москвоведов и тем, что именно ему – “стольнику Матфею Засецкому” – в 1722-м князя Долгоруковы “продали часть своих земель в Хамовниках”, к которым, к слову говоря, относятся территориально и Остоженка с Пречистенкой [35]. Примечательно, что составители переписных документов Москвы 1738–1742 гг., – если судить по слогу их описаний, – по-видимому, различали (как и в случае Остоженки) “большую Пречистенскую” и собственно “Пречистенскую улицу”; иначе трудно объяснить смущающее соседство в упоминаемых описаниях таких, например, формулировок: “ проезжий переулок от *большой* Остоженской улицы на *большую* Пречистенскую улицу” и “ проезжий переулок... с Остоженской улицы на Пречистенскую”... [18, стб. 57] Здесь подчеркнем – в продолжение уже излагавшегося: даже на так называемом *хотевском* атласе Москвы (по распоряжению московского обер-полицмейстера составленном в 1852–1853 гг. А. Хотевым) можно обнаружить де-факто две самостоятельные Пречистенки – лежащую, условно говоря, севернее Пречистенку, ныне представляющую собой часть улицы Волхонки, и ту, что простираясь южнее, считается современной московской Пречистенкой [см. карту: 40]. Впрочем, пока нам не удалось найти весомых подтверждений предположению, что осуществлявшие в конце 1730-х – начале 1740-х трудоемкую перепись первопрестольной, под большой Пречистенской улицей имели в виду Пречистенку нынешнюю, а под малой – завершающий участок современной Волхонки⁷. Тем не менее представляется непреложным, что из всех Засецких, обитавших в Москве интересующей нас эпохи, именно Петр Иванович официально владел двором, размещавшимся непосредственно в районе Пречистенки (пусть и по Остоженке числившимся; сегодня, впрочем, нельзя с

уверенностью говорить о том, как именно выглядела официальная тогдашняя “административная карта” старорусской столицы⁸).

Рамками настоящей статьи не предусматривался, – заслуживая отдельной публикации, – рассказ о том, как постепенно в результате изучения текста “Переписной книги города Москвы... в 1738–1742 годах” (т. I. М., 1881) выстраивалось представление о месторасположении московского “двора” Петра Ивановича Засецкого (и о многих “неожиданностях” и “необычностях”, открывшихся в контексте предпринятых разысканий). Поэтому, опуская иные подробности, переходим к финальному изложению конечных (на данном этапе) итогов. Итак, домовладение вице-президента камер-коллегии располагалось – при движении от традиционного исторического центра Москвы – сразу же за переулком, сегодня *Барыковским*, а на ту пору Лукиным (ведшим “с Остоженской улицы на Пречистенскую большую” и наоборот), в котором и проживал в те годы “подаривший” переулку собственное имя Александр Тихонович Лукин (в 1754-м его участком владел уже брат его “Лейб-компания гренадер” Петр Тихонович) [18, стб. 52–54; 29]. С иной стороны уличной застройки двор Засецкого переходил в переулок, в современной Москве известный как Сеченовский, а во времена бригадира Петра Засецкого остававшийся еще неоформившимся и безымянным (его исторически первое название – *Полуэктковский* – вероятный отголосок того, что в конце 1730-х – начале 1740-х непосредственно здесь или неподалеку располагался двор Бориса Владимировича Полуехтова) [18, стб. 35–36; см. также карту: 27]. За последовавшие после составления переписной документации десять с небольшим лет – к 1754 году – ситуация с дислокацией московского домовладения Петра Засецкого практически не изменилась, хотя самого Петра Ивановича к этому времени, судя по всему, в живых уже не было, ибо в качестве нового хозяина домовладения в 1754-м фигурирует его овдовевший 42-хлетний (если верить исповедной ведомости) сын Яков Петрович Засецкий [18, стб. 52–54; 29, л. 76]. Тут же, к слову, отметим, что, по меньшей мере, в 1751 г. Петр Иванович Засецкий – сделавшийся к тому моменту уже генерал-майором – был несомненно жив, ибо этим годом датировано хранящееся в РГАДА его прошение “о постройке (на Остоженке. – С.Е.) людской избы с сенями”, к коему прилагался “план двора в приходе церкви Воскресения Нового”, выполненный для Петра Ивановича известнейшим московским архитектором тех лет князем Д.В. Ухтомским (Бум., тушь, акв. 43х32), видеть кото-

⁶ Внучку Акинфия Евстратовича Алымова и племянницу жены Якова Петровича Засецкого запечатлел в своем портрете – как блестящую “смольнянку” – Д.Г. Левицкий [см.: 11, т. 1, с. 9]. Героиня этого портрета по жене доводилась родному племяннику супруги Петра Даниловича Апостола также племянницей.

⁷ Первое приближение к этой загадке склоняет заключить, что экспертов, обладающих необходимой для ее разрешения компетентностью, сегодня, возможно, не отыщется даже среди авторитетнейших москвоведов: чересчур трудоемкой выглядит задача воссоздания особенностей чрезвычайно хаотично формировавшегося к началу 1740-х исторически достаточно динамичного архитектурного ансамбля московского Земляного города...

⁸ В этом плане показательным, что описание местоположения церкви “Воскресения Христова, что словет Новою”, в документе (составлявшемся в 1738–1742 гг.) симптоматично размещается под рубрикой “*На Пречистенской большой улице идучи от Пречистенских ворот по левую сторону*” (то есть ориентиром здесь подразумевается именно Пречистенка, а не Остоженка) [18, стб. 41, 44]. Причем, вопреки тому, что данной рубрике предшествуют иные, однозначно ведущие отчет непосредственно от Остоженки – “*На большой Остоженской улице идучи к Пречистенским воротам по правую сторону*” и “*Идучи от пречистенских ворот по правую сторону на большой Остоженской улице*”... [18, стб. 5, 35, 36]

рый нам не довелось [21]⁹. Возможно, прямой реализацией подразумеваемого плана и стал дом, согласно исповедной ведомости 1754 года числившийся в приходе Воскресения Нового под № 20 и на момент ее составления, как нам известно, принадлежавший уже младшему Засецкому. Достоин упоминания, что с иным выдающимся московским зодчим той же эпохи Иваном Коробовым¹⁰ П.И. Засецкого связывали в некотором роде узы родства: Иван Кузьмич – не позднее 1735-го – женился на княжне Марии Григорьевне Волконской, племяннице князя Г.Г. Волконского, в свою очередь женатого на вдове Матвея Алексеевича Ржевского Наталье Михайловне, урожд. Полевой, дочь которой от 1-го брака – Стефанида Матвеевна Ржевская (1705–1762), дважды вдовевшая и трижды вышедшая замуж, в своем 2-м браке была супругой уже известного нам причастностью к фамильной истории Засецких “полковника, прокурора Московск[ой] губернии” Акинфия Евстратовича Алымова [45; 36; 5, т. 1, с. 68; 50; 11, т. 1, с. 8]¹¹. Со всеми основаниями

полагаем, что Неонилла Акинфиевна Алымова, на которой женился сын Петра Ивановича Засецкого Яков, Стефаниде Матвеевне приходилась не дочерью, а падчерицей, однако именно вторая и последняя жена прокурора Алымова должна была проживать в доме, непосредственно с владениями Засецких соседствовавшим на Остоженке, по крайней мере до самого ознаменовавшегося кончиной отца Неониллы марта 1743-го; да и после 1743 года Стефанида Матвеевна не могла не считаться (в качестве тещи) в известном смысле членом семьи Якова Петровича Засецкого [45; 36; 5, т. 1, с. 68; 50; 11, т. 1, с. 8]. Однако некое, не раскрытое пока еще, родство с Волконскими и Голицыными у Засецких, по-видимому, действительно имелось до и независимо “посредничества” Стефаниды Ржевской (первым мужем которой был умерший 18 лет от роду князь Александр Голицын). Думать так склоняют электронные публикации, в разных формулировках ссылающиеся на один и тот же примечательный факт: “В 1725 г. владельцем... небольшой деревушки [Моносево] было трое, и все именитых фамилий: Петр Иванович Засецкий, генерал Александр Иванов сын князь Волконский и князь Иван Андреевич Голицын. С какой целью они „столпились“ на небольшом участке земли пока неизвестно. Из них только Волконские владели несколькими селениями поблизости”... [42] Соседство это, со своей стороны, прокомментируем следующим образом: ставшая супругой архитектора И.К. Коробова княжна Мария Григорьевна Волконская доводилась кузиной (двоюродной сестрой) “генералу Александру Иванову сыну князю Волконскому”, в 1725-м владельческие права на подмосковное Моносево (оно же *Манасеино*) Кошелева стана (ныне это Щёлковский район Московской области) делившему не только с Иваном Андреевичем Голицыным, но и с Петром Ивановичем Засецким – известным нам “*князь Петром князь Ивановым сыном Засецким*” [45; 43]. При этом скончавшийся в 1727-м генерал А.И. Волконский, прославившийся тем, что “доставил от боярина Б.П. Шереметева... известие о взятии Казыккермена” и был впоследствии успешным командиром Вятского драгунского полка, доводился кузеном последнему супругу Наталье Михайловне Полевой, матери Стефаниды Ржевской (во 2-м замужестве Алымовой); иными словами, де-факто не мог не считаться двоюродным дядей самой Стефаниды – невестки князя Ивана Андреевича Голицына, вдовы его умершего 18 лет от роду сына и, к тому же (*что особенно немаловажно*), матери внука Ивана Андреевича; при этом именно Волконские не только издревле владели землями в Моносево, но и зачастую использовали их как своего рода разменную монету при решении проблем, возникавших внутри фамильного клана с каждой очередной, порождавшейся новыми браками, на-

25; 11, т. 2, 354]. Даже если игнорировать горностаевую опушку и ее “намек”, нельзя отрицать, что в портрете Авдотья (Евдокия) Ивановна запечатлена уже в качестве статс-дамы, которой сделалась с началом царствования Анны Иоанновны (а именно в мае 1730-го), и при этом прическа ее выглядит заметно более соответствующей не аннинской, а позднее наступившей елизаветинской эпохе [48].

⁹ Д.В. Ухтомский (1718/19–1774/75), как пишут исследователи московской архитектуры первой половины – середины XVIII столетия, “долгие годы стоял” “во главе московской архитектурной школы” и вошел в историю русского искусства в первую очередь как создатель Красных ворот (1753–1757) и зодчий, завершивший возведение многоярусной колокольни Троице-Сергиевой лавры (1741–1770) [1, с. 172–173]. Часто подчеркивают его вклад не только как практика архитектуры, но и как крупного педагога, руководителя возглавлявшейся им “с середины 1740-х... команды”, “воспитавшей ряд выдающихся архитекторов” [3, с. 162]. Заметим, что в Москве 1754 года 35-летний родоначальник московской архитектурной школы (а именно “к началу 1750-х годов в руках Ухтомского сосредоточилось [фактическое] руководство всей архитектурной деятельностью Москвы”) князь Дмитрий Васильевич Ухтомский жил в доме № 14, числившемся в приходе церкви Рождества Богородицы, что за Смоленскими воротами, с ним вместе проживали его 23-хлетняя супруга Екатерина Степановна, незамужняя его сестра княжна Анна, его 15-летний брат Евгений Ухтомский и, судя по всему, его 20-летний племянник Степан Михайлович [3, с. 162; 29, л. 180, 186 об.]. В том же 1754-м сыновья архитектора Коробова – 17-летний Иван и 13-летний Николай (отец которых скончался еще в 1747-м) – обретались для обучения зодческому ремеслу в “Доме „архитектурии“” под присмотром родного брата архитектора Дмитрия Ухтомского 29-летнего князя Сергея Васильевича Ухтомского (“Дом „архитектурии“” располагался на территории прихода московской церкви Николая Чудотворца, что в Башмакове, под № 4) [29, л. 444, 443].

¹⁰ Известным русским архитектором Иваном Кузьмичом Коробовым (1700/01–1747), в 1732–1738 гг. расширявшим и перестраивавшим еще ранее сформировавшийся ансамбль Адмиралтейства в Петербурге, а также возводившим в новой российской столице Морской полковой двор и так называемую Партикулярную верфь.

¹¹ Сохранился характерный портрет ее двоюродной тетки Авдотья Ивановны Чернышевой (1693–1747), рожденной Ржевской, кисти неизвестного художника, побывавший на знаменитой “Таврической выставке русских портретов”, устроенной в Петербурге в 1905 г., а ныне принадлежащий Музею искусств Узбекистана в Ташкенте и выполненный, всего вероятнее, между 1743–1747 гг., поскольку ставшая графиней в 1742-м, Авдотья Ивановна, памятная потомкам своей “дружкой” с императором Петром I, скончалась в июне 1747 г., тогда как на портрете ташкентского собрания она запечатлена в роскошной мантии с горностаевой опушкой, традиционно недвусмысленно намекающей на то, что ее владелец относился к титулованной знати [44;

добностью в перераспределении родового имущества [50; 5, т. 1, с. 297; 45; 49]. Ясно, что женитьба Якова Засецкого на падчерице Стефаниды Ржевской (именовавшейся Голицыной по 1-му браку и Алымовой по 2-му), состоявшаяся весьма вероятно летом 1730 года, – должна была сблизить семейство Засецких и с Голицыными (благодаря существованию сына Стефаниды – маленького князя Голицына), и с Волконскими (благодаря матери Стефаниды Наталье Михайловне Волконской-Полевой). Но повторим, что родство Засецких с обоими княжескими домами, по-видимому, должно было сформироваться ранее 1730-го. Хотя бы потому уже, что значительная часть в деревнях и селах бок о бок располагавшихся помещичьих владений соседством своим была, как правило, обязана именно соединявшим дворянские семейства брачно-родственным узам. Точно также и городское соседство (не исключая и соседства в столь крупных городах, как Москва первой половины – середины XVIII века) являлось не только предпосылкой возникновения новых матримониальных проектов, но и следствием реализации старых. Возвращаясь к теме вероятного родства Засецких с Волконскими и Голицыными (очень возможно, через посредство иных “фамилий”), напомним, что в Москве конца 1730-х – начала 1740-х в очевидной близости от остоженско-пречистенского домовладения Засецких располагались, как нам уже известно, сразу два двора, принадлежавших вдове Александра Ивановича Волконского Дарье Лаврентьевне; причем двор “княгини вдовы... Волконской” напрямую (как отмечалось) граничил и с участком, приобретенным камер-пажом Лукиным у Григория Засецкого [ср.: 18, стб. 52–54].

Примечательно, что в датированной 1754-м исповедной ведомости прихода церкви Воскресения Нового под №№ 22 и 23 соответственно – то есть как располагавшиеся в ближайшем соседстве с владением Я.П. Засецкого – означены дома, принадлежавшие 34-хлетнему Василию Сергеевичу Чебышеву и 20-летнему Петру Ильичу Палибину (согласно переписным документам 1738–1742 гг., двор, состоявший в собственности инога Чебышева, Александра Васильевича, размещался в Лукине переулке, а двор отца Петра Палибина подполковника Ильи Артемьевича – в переулке, впоследствии получившем название Лопухинского и предшествовавшем при движении от исторического центра Москвы переулку Полуэктовскому) [29, л. 76; 18, стб. 54–56, 58, 39, 48–49]. Дом № 18 в том же приходе церкви Воскресения Нового принадлежал в 1754-м князю Федору Савиновичу Горчакову, по переписи 1738–1742 гг. числившемуся владельцем двора в нынешнем Лопухинском переулке [29, л. 76; 18, стб. 50]. И по-прежнему в Москве 1754-го майор Федор Петрович Владимиров, – чей двор переписью 1738–1742 гг. зафиксирован как прямо граничивший с двором тестя Якова Засецкого Акинфия Алымова и размещавшийся при этом в Лукине переулке бок о бок с двором Чебышева, – проживал (вместе с 19-летним сыном и, между прочим, именуясь уже Володимировым!..) в доме № 11 прихода Воскресения Нового [29, л. 74; 18, стб. 54, 56–57]. Но и это не все: дома в том же

приходе, исповедной ведомостью 1754 г. упоминаемые под №№ 9 и 10, числились собственностью тех же Василия Ивановича Лодыженского (но “преобразившегося” к 1754-му в полковника *Ладыженского*) и Петра Дмитриевича Еропкина (в середине 1750-х – подполковника), которые, согласно переписи 1738–1742 гг., владели дворами соответственно в теперешнем Лопухинском переулке (рядом с участком князя Горчакова) и недалеко от нынешнего 1-го Зачатьевского переулка, выходявшего на противоположную сторону Остоженки [29, л. 73 об.; 18, стб. 47–48]. Наконец, домовладение, числившееся все в том же приходе под № 7, – принадлежало в 1754-м вновь-таки Александру Ивановичу Панину, до того обладателю, если доверять переписным документам 1738–1742 гг., двора на левой стороне “*большой Остоженской улицы*” [29, л. 73; 18, стб. 36].

В целом же, можно с уверенностью заключить, что княгиней Засецкой, у которой в январе 1742 года обедали прибывшие в Москву Петр Апостол и Яков Маркович, а, следовательно, сестрой супруги упомянутого первым и дочерью Дементия Михайловича Храповицкого, была жена вице-президента камер-коллегии и бригадира Петра Ивановича Засецкого. Некоторые “остаточные” сомнения может вызывать – помимо странности адреса, по которому, если положиться на Я.А. Марковича, 19 января 1742 года угощала его и П.Д. Апостола обедом княгиня Засецкая (имеем в виду этот уникальный и вовсе ничего не говорящий москвоведом “*Чудовный переулоч*”), – сочетание двух обстоятельств. Во-первых, отсутствия в документах московской переписи (но подчеркнем: документах, *нам известных*) упоминаний о какой-либо недвижимости, принадлежавшей Петру Ивановичу Засецкому “близ Новодевичьяго” (тогда как Яков Маркович свидетельствует, что по приезду в первопрестольную они с Петром Апостолом остановились “*близ Новодевичьяго, в дворе кн[язя] Засецкаго*”). А, во-вторых, наличия в несомненной близости к “Новодевичьяму”, в частности в 1737-м (поскольку 1737 г. датируются переписные документы этой части Москвы), домовладения внука Матвея (старшего брата Петра Ивановича Засецкого) – “гв. Измайлов[скаго] полку солд[ата] Луки Иванова с[ына] Засецкаго”: дабы – в реалиях 1737 года – добраться к участку Луки Ивановича, которому, на ту пору, к слову, как будто бы было не более восемнадцати лет (отчего и не имел он никакого чина), следовало сначала повернуть из некоего неназванного переулка “направо по Чудовской улице к Москве реке” [8, с. 154; 22; 17, с. 3, стб. 172]. Заметим, что в 1737 г. двор Луки прямо соседствовал с двором Алексея Степановича Всеволожского [17, стб. 172]. Соответственно, дежурное для электронных публикаций утверждение, что в 1736-м “унаследовавший земли брата капитан лейб-гвардии Измайловского полка Лука Иванович Засецкий” унаследованное начал распродавать, не только откорректируем уточнением, что Лука был не братом, а внуком Матвея Ивановича и семнадцатилетним (в 1736-м) юнцом, лишь начинавшим, по-видимому, службу – солдатом – в привилегированном Измайловском полку, отчасти, напротив, и подтвердим, ибо константации москвоведов, что-де, расставшись

с большей частью земельных владений деда, “Лука Иванович Засецкий... оставил себе двор с садом и начал выгодно обзаводиться соседями” (так интерпретируется факт продажи им “25 мая 1736 года ... части имения Алексею Степановичу Всеволожскому”), – эти констатации в известном смысле переписными документами 1737 года, как мы убедились, удостоверяются [35; 22]. Кстати, повернув направо от “огор[ода] означеннаго Засецкого”, можно было попасть на “проезжий пер[еулок] до Хамовнической ул[ицы]”, иными словами, до нынешней улицы Льва Толстого, появившейся на карте Москвы после переименования “быв[шего] Бол[ьшого] или Долгого Хамовнического пер., в р-не Комсомольского просп[екта]”, заметим, заменившего собой прежнюю улицу Чудовку (да и не только ее) [14, с. 605, 320]. Впрочем, в итоге, все равно получаем, что, проживая в несомненной близости к улицам Хамовнической и Чудовской, Лука Иванович жительствовавал, вместе с тем, и вне пределов как таковой Пречистенки... Спустя семнадцать лет (к моменту составления в 1754-м исповедных ведомостей Пречистенского сокола) его местожительство оставалось неизменным – в приходе “Ц[еркви] Знамения у Девичьего поля”¹², и непосредственным его соседом, по-прежнему значился А.С. Всеволожский [29, л. 557, 558 об., 559 об.]. Поскольку в 1754-м Лука Иванович был женат на 25-летней особе, – предвосхищая возможные попытки идентифицировать его как свойственника Петра Апостола князя Засецкого, – заметим, что крайне маловероятно, чтобы у подразумеваемой супруги Луки Ивановича Дарьи Самойловны, в 1742-м имевшей от роду 13 лет (даже невзирая на то, что в России той поры как будто бы дозволялось жениться и на 13-летних), могли побывать на обеде, в дневнике Марковича упоминаемом, сам его составитель и долговременный приятель последнего П.Д. Апостол [29, л. 559 об.]. Тем более что и имя Самойлы (Самуила) не встречается ни в одной из трех частей родословной росписи Храповицких [см.: 24, с. 594–612]. Собственно же деда Луки Матвея Ивановича, надо полагать, не стало незадолго до того, как в 1736-м его земли унаследовал и принялся распродавать его юный внук...¹³

После неоднократно упоминавшегося обеда, устроенного для двух посланцев Малороссии княгиней Засецкой, минет не более десяти дней и в мо-

розной Москве скончается племянник Петра Даниловича Павел Иванович Апостол, к тому моменту уже женатый на некоей Акилине (Килине) Ивановне. Вдова Павла станет впоследствии супругой Карла Федоровича Штоффельна (младшего сына Федора фон Штоффельна – мужественно служившего новообретенному отечеству немецкого генерала на русской службе, близкого старому гетману Д.П. Апостолу по делам служебным и не только служебным); к 1774 г. она овдовевает вновь [13, с. 9; 12]. Пройдет еще четыре года и в июле 1778-го на церемонию крещения новорожденной *Натальи Кондратьевны Битяговской* в московской церкви Троицы в Вешняках в качестве восприемников будут приглашены генерал-майор князь Михаил Михайлович Голицын, в свое время женившийся на двоюродной племяннице Анны Федоровны Шереметевой-Кантакузен, и полковница Анна Карловна Лодыженская, дочь вдовы Павла Ивановича Апостола Акилины от ее второго брака с Карлом фон Штоффельном, иными словами сводная сестра правнучки гетмана Даниила Апостола и внучатой племянницы гетманчика Петра Даниловича Екатерины Павловны Битяговской (наследницы умершего в 1742-м Павла Апостола) [ср.: 47; 9, ч. 1, с. 503, 501, 500 (№ 26–27), 294 (№ 113–114), 299 (№ 173–176); 5, т. 1, с. 285, 289; 13, с. 10, 9 (№ 9), 6–7 (№ 3, 5)].

Переписные документы 1738–1742 гг., имеющие отношение к “приходу церкви Воскресения Христова, что словет Новаго”, и представляющие Петра Ивановича Засецкого в качестве “*Брегадира Государственной Камор-Коллегии вице-президента*” – учитывая, что камер-коллегией именовалось “центр[альное] учреждение в Рос[сийской] империи (1718–1801, с перерывами)”, непосредственно ведавшее “гос[ударственными] доходами, сборами пошлин и недоимок” и наблюдавшее “за исполнением натур[альных] повинностей”, – позволяют констатировать: на заключительном этапе служебной карьеры Петр Засецкий по-прежнему оставался “финансистом”, выполнял обязанности своего рода высокопоставленного аудитора уже в масштабах всей Российской империи [18, стб. 622, 624; 26, с. 538]¹⁴. Примечательно, что еще в бытность импера-

¹² “Девичье поле” – это “историч. местность... в излучине р. Москвы, между ул. Площихой и быв. Новодевичьем мон. Соседствует на В. с Хамовниками, на Ю.-В. с Усачёвкой, на Ю.-З. с Лужниками. В 16 в. наз. Новодевичье поле (от назв. монастыря)” [14, с. 233].

¹³ Московедческие электронные источники сообщают, что “позже” масштабных распродаж 1736 года – уже “в 1771 году Лука Засецкий продал еще одну часть своего богатства статскому советнику Василию Тутолмину. Тутолмин приобретенное тут же заложил за 2000 рублей Василию Засецкому”, которого пока не удается отождествить ни с одним из Василиев, поминаемых в родословных Засецких, хотя из тех же “московедческих” источников явствует, что женою этого загадочного Василия была некая Екатерина Степановна и что скончался он до 1787 г., ибо “в 1787 году заложное имение перешло во владение к жене Засецкого Катерине Степановне, и было продано ей Сергею Алексеевичу Всеволожскому на следующий год за 2400 рублей” [33].

¹⁴ Можно добавить, что в те же 1738–1742 гг. менее успешный в карьере полковник Григорий Богданович Засецкий владел двором, располагавшимся в непосредственной близости к “ц[еркви] Козьмы и Дамиана, что на Шубине... в Троицком перл. (переулке. – С.Е.)” [30; 18, стб. 14, 49]. Переписные документы позволяют заключить, что “козмодемьянский” приход территориально соседствовал с приходом церкви “Воскресения Христова, что на Успенском Вражке”, и при этом оба они не относились к Пречистенскому соколу; а это не оставляет сомнений в том, что Григорий Богданович не мог быть князем Засецким, об обеде у супруги которого в январе 1742 года повествовал в своем дневнике малороссийский “делегат” на коронационные торжества Яков Маркович [см.: 29]. Еще один полковник Засецкий – Герасим Емельянович – в Москве 1738–1742 гг. владел недвижимостью в “проезде перл. (переулке. – С.Е.) с Никитской ул. на Тверскую” по соседству не только с одним из родственников Анны Федоровны Шереметевой-Кантакузен Сергеем Автамоновичем Головиным (двоюродным братом Натальи Ивановны Кантакузен, если верить генеалогическому справочнику), но и с ее, Анны Федоровны, родным братом Алексеем Федоровичем Шереметевым [19, стб. 53; 9, ч. 3, с. 108 (№ 65–66)]. Что, в общем, вполне естественно,

тором Петра I Петру Ивановичу Засецкому довелось непосредственно соучаствовать в столь увлекавших неумного монарха-реформатора шутовских маскарадных действиях: так, уже имея в обыденной жизни нешуточную должность “казначая адмиралтейского”, вместе с капитан-командорами Синявиным и Гослером, подполковниками Аничковым и Батковским, обер-секретарем Тормасовым, майором и “цалмейстером” Воейковым, капитаном Марковым и “валтмейстером” Кафыревым он входил в некую, если это можно так назвать, “актерскую команду”, которая наряду с ей подобными веселила наблюдавших за “компанией Машкарада в С.-Петербурхе 1723 году; [что] началась августа 30-го дня, [а] кончилась сентября 6-го дня”... [31]

Продолжение следует

Литература:

1. Алленов М.М., Евангулова О.С., Лившиц Л.И. Русское искусство X – начала XX века: Архитектура. Скульптура. Живопись. Графика. – М., 1989.
2. [Апостол П.Д.] Дневник // Киевская старина. – Т. L. – 1895. – С. 105–155.
3. Архитектура гражданских и промышленных зданий. Т. 1. – М., 1984.
4. Бантыш-Каменский Д.Н. Жизнь Мазепы. – М., 1834.
5. Вел. кн. Николай Михайлович. Московский некрополь: В 3 т. Т. 1. – СПб., 1907; Т. 2. – СПб., 1908; Т. 3. – СПб., 1908.
6. ГАТО. Ф. 39. Оп. 2. Д. 871 (см.: <http://www.veneva.ru/Gorodenec.html>).
7. Дворцовые разряды. Т. 4 (С 1676 по 1701 г.). – СПб., 1855.
8. Дневные записки малороссийского подскарбия генерального Якова Марковича. Ч. 2. – М., 1859.
9. Долгоруков П. Российская родословная книга: В 4 ч. Ч. 1. – СПб., 1855; Ч. 3. – СПб., 1856; Ч. 4. – СПб., 1857.
10. Кашкин Н.Н. Родословные разведки. [Ч.] I. – СПб., 1912.
11. Лобанов-Ростовский А.Б. Русская родословная книга. Т. 1–2. – 2-е изд. – СПб., 1895.
12. Мильчев В.И., Князьков Ю.П. Проект реформирования устрою Запорожжя генерал-майора Карла Штофельна (1765 р.) // Записки научно-дослідної лабораторії історії Південної України ЗДУ. Південна Україна XVIII–XIX століття. – Вип. 7. – Запоріжжя, 2003. – С. 35–54 (см.: http://www.cossackdom.com/doc/milchev_shtof.htm).
13. Модзалевский В.Л. Малороссийский родословник: В 4 т. Т. 1. – К., 1908.
14. Москва: Энциклопедия. – М., 1980.
15. Памятники архитектуры Москвы. Белый город. – М., 1989.
16. Переписные книги города Москвы 1665–76 гг. – М., 1886.
17. Переписные книги города Москвы 1737–1745 г. Т. VIII. – М., 1893.
18. Переписная книга города Москвы составлена в 1738–1742 годах. Т. I. – М., 1881.
19. Переписные книги города Москвы составлены в 1738–1742 годах. Т. III. – М., 1881.
20. Переписные книги города Москвы. Составлены в 1737–1745 гг. Т. VI. – М., 1885.
21. РГАДА. Ф. 931. Оп. 2. Д. 5618. Л. 1–3 (см.: <http://rgantd.ru/grad/frcont/result.php?query=SELECT+HA3BANI...>).
22. РГБ. Ф. 178. Музейное собрание. № 734. Л. 177 об.–179 (см.: <http://baza.vgdru.com/index.php?m=search&srld=794598&o=relevancy&nogrp=&desc=DESC&fs=1,2,3,4,7,13,5,11,14,15,17,18,26>).
23. Руммель В.В., Голубцов В.В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. Т. 2. – СПб., 1887.
24. Русский портрет XVIII – начала XIX века: Каталог выставки. – М., 1984.
25. Советский энциклопедический словарь. – 4-е изд. – М., 1989.
26. Циркун В.И. К истории политической деятельности Кантемира в России // Вестник СУРМ. – 2010. – № 16 (см.: http://www.surm.md/index.php?option=com_content&task=view&id=704&Itemid=146).
27. ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 745. Д. 6 (см.: <http://www.mtu-net.ru/sherbach/rodoslov/bitag.html>).
28. ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 747. Д. 208 (см.: <http://rusgenealogy.clan.su/forum/40-333-1>).
29. ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 747. Д. 221 (см.: <http://www.vgd.ru/STORY/MOROZOV/morozov.htm>).
30. Юность державы. – М., 2000 (см.: <http://mikv1.narod.ru/text/KompaniaMask2000.htm>).
31. <http://kovyrino.ucoz.ru/publ/3-1-0-11>
32. <http://moskva.kotoroy.net/histories/36.html>
33. http://progulkipomoskve.ru/publ/ulicy_moskvy/barykovskij_pereulok_v_moskve/32-1-0-601
34. http://prorossiu.ru/?page_id=1309
35. <http://ru.rodovid.org/wk/%D0%97%D0%B0%D0%BF%D0%B8%D1%81%D1%8C:301829>
36. <http://rosgenea.ru/?alf=2&page=3&searchcatal=%C1E5%E7%E7%E1%F0%E0%E7EE%E2&radiobutton=1>
37. <http://rosgenea.ru/?alf=11&page=2&serhcatal=%CA%E0%ED%F2%E0%EA...>
38. <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A8%D1%82%D0%B5%D1%84%D0%B0...>
39. <http://translate.yandex.ua/translate?srv=yasearch&url=http%3A%2F%2F...>
40. <http://www.antistepler.ru/forum/viewtopic.php?t=945>
41. <http://www.bogorodsk-noginsk.ru/atlas/sshelkovskiy/medvezjye...>
42. <http://www.e-journal.ru/kr/monoseevo.htm>
43. <http://www.genealogia.ru/users/rurik/Rospisi/Rjevskie.htm>
44. <http://www.history-ryazan.ru/node/10135>
45. <http://www.history-ryazan.ru/node/10524>
46. <http://www.moscow-index.ru/moscowstreet-1290.html>
47. http://www.peoples.ru/family/mistress/avdotya_chernysheva/
48. <http://www.proza.ru/2010/03/28/1210>
49. <http://www.russianfamily.ru/g/golich.html>
50. rusico.indrik.ru/artists/u/ulanov_ki/index.shtml?adm=5e6b9fe3e1ff5aaac8a666...

ибо территориально домовладение Герасима Емельяновича относилось к приходу церкви “Николая Чудотворца, что на Хлынове”, прихожанкой которого, как уже отмечалось, числилась в 1755 г. “светлейшая... [княгиня] Анна Федоровна Кантакузина”; но обнаруживаемая этим самым непричастность домовладения Герасима Емельяновича к Пречистенскому сороку (“хлыновский” храм относился в 1754-м к так называемому Никитскому сороку), опять-таки не позволяет предполагать в Герасиме Засецком свойственника Петра Даниловича Апостола [19, стб. 52; 29; 30, л. 153–153 об.]. В те же 1738–1742 гг. московский на ту пору двор “отставного прапорщика Якова Гаврилова сына Засецкого” находился в так называемом “Тупом переулке”; чтобы попасть сюда, следовало с Поварской “поворотить” в переулок, “которым ездят к церкви Иоанна Предтечи, по левой руке, в приходе церкви Рождества Христова” [18, стб. 285–286]. Этот двор Яков Гаврилович получил в 1729-м “по наследству после деда господина его Богдана Андреева сына Засецкого...” [18, стб. 311–312]. В 1738–1739 гг. переписные документы также зафиксировали наличие незастроенного участка – “пустого места дворянина Ивана Степанова с[ына] Засецкого” – по соседству с двором канцеляриста Никиты Семеновича Дубенского [17, с. 3, стб. 236]. Наконец, согласно переписным документам, составленным в 1745 г., в приходе Церкви Животворящей Троицы (прилежавшем к реке Яузе и относившемся к так называемой “Стретенской и Басманной” части первопрестольной) числилась недвижность Аксиньи Григорьевны Засецкой, вдовы майора Федора Ивановича Засецкого (к сожалению, личность майора, можно сказать, выпала из поля зрения составителей родословных росписей Засецких) [20, с. 8, стб. 71, 68; 22].